

I

1

Несмотря на закрывающую глаза повязку, такое ощущение, что он видит все. Все, что происходит в тишине.

Приготовления.

Непривычный покой. Запах летней ночи. Ничего другого. Ни морских птиц, ни сов, ни комаров, вообще никаких звуков природы.

Не слышно и скрипа песка под ножкой стула. Ни под одной из ножек.

Он так молод. И он понятия не имеет, что его ждет. Но у него есть график. Все для его же блага.

Будет больно.

Но оно того стоит.

Ему так сказали: стоит потерпеть.

Он такой маленький, но все же размышляет о предательстве. Что это такое, есть ли у предательства оттенки. Может быть, вот оно, самое страшное на свете предательство.

Ему кажется, что он видит берег сквозь повязку. Где они бросаются песком, ныряют в море, скребут руками и коленями по дну, забираются на скользкие камни, съезжают с них как с горки, так что потом болит попа, плавают под водой, выискивая цветные камешки.

Летняя ночь на удивление тиха.

Арне Даль

*Но вдруг раздается еле слышное урчание. Мотор?
Потом снова все стихает.*

*Он думает, что вокруг темно. Должно быть темно.
Сейчас, наверное, те смутные часы, когда солнечный диск
опускается в неизвестность за горизонт. Хотя откуда ему
знать точно.*

Он понятия не имеет.

*Но что-то растет внутри него. Нечто, не поддаю-
щееся контролю.*

Две вещи одновременно.

*Одна — это страх, ужас, испуг. Он знает, что для него
же так лучше, но он боится боли. Ему претит ожидание
боли.*

*Он заранее ненавидит то, что произойдет в бли-
жайшие минуты этой июльской ночи.*

*И вот тут рождается то, второе, что зреет в нем.
Это гнев. Гнев, вызванный предательством. Хотя он ма-
ленький, он знает, что эта ярость никогда его не покинет.*

Гнев словно прожигает дыры в повязке, и он видит все.

*Он видит песчаный пляж, тянущийся вдоль неподвиж-
ного моря, видит выступающие из воды камни, видит
опушку леса, зубцами выступающую вдалеке.*

*Все, чего он не видит, гнев словно припечатывает к его
роговицам.*

И вдруг он слышит скрип песка. Очень отчетливо.

Словно кто-то просится сюда из другого времени.

2

Суббота, 4 марта

Кажется, что все ее сознание высосано через дыру во времени, и теперь вместо него осталась чистая боль.

Сквозь пронзительную боль она пыталась подобрать слова. Слова успокаивают. По идее. *Должны* успокаивать.

Неторопливость, с которой руки приближались к пока бессловесному, открыла возможность отыскать выражение. Попытаться вызвать ассоциации между горящими нервными окончаниями.

Гимнастика. Акробатика между двумя горизонтальными жердями. Только они назывались не жердями. А как назывался сам вид спорта?

Разумеется, она осознала, что просто пытается отвлечься. Это сродни движению по кругу. Для того, чтобы боль не овладела ею целиком, сделав невозможным движение физическое.

Художественная гимнастика? Спортивная? Больше похоже на спортивную. Какие там были виды? Одиночные, конечно. Прыжки через коня, кольца. А прыжки, вообще, были? Но та штука, с жердями, как же ее? Брусья?

Да, брусья. Точно. Первое за долгие месяцы мгновение без боли настало, когда она увидела слово перед собой.

Островки спасения.

Руки, поддерживающие ее наверху, отпустили хватку, как только она схватилась за брусья, показавшиеся ей спасительными островками. Уходящими вдаль, в бесконечность.

Между островками, всего в десяти сантиметрах, показалось лицо. Губы на женском лице изображали подбадривающий крик. Но слышно ничего не было. В ее системе чувств не осталось места для звуков. Все пространство заняла боль.

И все-таки она сделала первый шаг. Первый самостоятельный шаг. Повиснув на островках, она рвалась вперед. Боли стало тесно внутри тела, она начала просачиваться сквозь кожу, создавая вокруг удушающую ауру. Но несмотря на это — еще один шаг.

И еще.

Она не спускала глаз с лица женщины, медленно отодвигающейся между брусьями, и ей казалось, что, вцепившись в него взглядом, она сможет просверлить дыру в ауре, впуслав внутрь звуки. Она услышала собственный вопль, смешанный со слезами, который она буквально выплюнула в лицо женщине.

Женщина быстро шагнула ей навстречу, обняла ее за торс. Когда лицо ее было в паре сантиметров, женщина сказала:

— Не сдавайся, Дезире, ты уже почти на середине.

Каким-то образом ей удалось оттолкнуть фигуру в белом халате и прошипеть:

— Не называйте меня Дезире.

А потом она сделала следующий шаг.

* * *

Молли Блум осмотрелась: она стояла в тупике, который упирался в горстку красных домиков на улице Осегатан. Зима почти миновала, стоял холодный промозглый

субботный день в начале марта, и через пару минут жизненный тонус Молли должен быть увеличиться по меньшей мере вдвое. Входя в подъезд дома на улице Плу-гата-н в районе Сёдермальм, Блум размышляла, почему все вышло именно так. Ни одной секунды своего прошлого существования она не посвящала мыслям о такого рода жизни — и вот она, пожалуйста.

Что стало с ее мечтами?

Пока она, перешагивая через ступеньку, поднималась по лестнице, перед глазами возник утраченный мир. Кроссфит, самооборона для женщин, кровь, пот и слезы. Однако, когда Блум оказалась наверху, этот мир улету-чился и на место ему пришел другой, более серый и хо-лодный. Правда, он вот-вот просветлеет.

Она позвонила в дверь. Открывший мужчина вы-глядел не особенно просветленным. Скорее невыспав-шимся. Малышка, висящая в слинге у него на груди, без-мятежно похрапывала.

— Она обожает воду, — еле ворочая языком, произнес мужчина.

— Я не понимаю, что ты говоришь, — сказала Молли Блум.

Сэм Бергер резко расправил плечи и, похрустывая суставами, объяснил:

— Я всю ночь включал ей воду. Только так она засы-пает. Представляю, сколько кубометров утекло.

— У меня она всегда хорошо спит, — соврала Блум.

— Может, нам тогда лучше жить вместе? — спросил Бергер, вынимая полугодовалую дочку Мирину из слинга.

Блум взяла девочку на руки, и внутри у нее засиял огонек. Внутренний свет быстро прорвался наружу.

— Не будь занудой, — мягко осадил ее Бергера. — Дай мне как следует подумать.

— Сначала ты бесследно исчезла и девять месяцев думала, — возразил Бергер. — Теперь опять думаешь почти столько же. Что там у тебя за мыслительный процесс.

Он засунул слинг в сумку, висевшую на ручке коляски в углу. Блум бережно положила в коляску спящую Мирину. Бергер осторожно шагнул в сторону Молли, осторожно взял ее за руку, заглянул ей в глаза и сказал:

— У нас общий ребенок, Молли, и нам хорошо вместе. Мы практически каждый день работаем вместе. Почему бы не пойти дальше?

Удивительно, но на этот раз она не отвела взгляда.

— Ты знаешь, что произошло, — сказала она.

Бергер медленно разжал руку. Тяжело вздохнул.

— Это никак не связано с нами. Мы должны были наконец...

— Но это знак, — перебила его Блум. — Я по-прежнему пытаюсь переработать пережитое. Дай мне еще немного времени.

— Виновные уничтожены, Молли, — сказал Бергер, снова схватив ее за руку. — От них не осталось и следа.

Безжалостно просверлив Бергера взглядом, Молли выдернула руку и прокричала:

— Мы нашли отпиленную левую ногу Ди в кровати, где собирались заняться любовью.

Эхо от ее слов смешалось с плачем проснувшейся Мирины, оно преследовало маму с дочкой, когда они вошли в лифт, и когда за ними закрылись двери. Бергер долго смотрел им вслед.

* * *

Теперь островки надежности уже не казались бесконечными. Хотя в ее воспаленном зрительном поле жерди закручивались и сгибались, теперь она осознавала, что длина их не больше метра. Боль не оставляла возмож-

Крах

ности для нормального восприятия. Она пронзала ее тысячей кинжалов и оглушала, она пахла серой, а рот наполняла вкусом полыни, ее пламя прожигало глазницы изнутри. И все же она сделала новый шаг.

Попыталась шагнуть еще, но это было все равно что идти на двух незаживших обрубках, пол давил на оголенные нервы, на кости и мясо.

Она упала.

Она была уверена, что падает.

Вместо этого она повисла между островков.

Ее удержали надежные руки, приподняли, заставили снова схватиться за брусья. Сквозь слезы она видела, как открывается и закрывается рот на лице женщины. Но ничего не слышала.

— Я больше не могу, — взмолилась Ди. — Слишком больно.

Темные глаза поймали ее взгляд. До слуха Ди, наконец, дошел голос:

— Ну и сдавайся, черт возьми, может, легче станет.

Теперь ею двигал гнев, почти ненависть. Насмешливое лицо маячило впереди, но как только Ди приближалась, оно снова отодвигалось.

Исказившись, женское лицо начало превращаться в мужское, с ярко выраженными славянскими чертами и шрамом в виде буквы R на щеке. Это придало Ди сил. Ей захотелось дойти. И убить.

Муравьиными шажками она продвигалась вперед. Каждый миллиметр отдавался вспышкой перед глазами. Ди уже почти дошла, когда сквозь мужское лицо прорвался женский голос:

— Последний шаг. Ну давай же, Ди!

3

Воскресенье, 5 марта

Над выступающими из воды, покрытыми снегом утесами поднимается мартовский рассвет. По водной глади еще плывут одиночные льдины. Снег поблескивает, отражая первые утренние лучи, неравномерными пучками бросая их в темноту комнаты сквозь панорамное окно.

Если судить по состоянию комнаты, время должно было давным-давно побить стекла, однако все окна целы и продолжают держать оборону против самых сильных зимних морозов. Внутри пусто и пыльно, лишь пара табуреток вокруг низкого вытянутого стола, на котором лежит старый блокнот.

Все замерло. Неподвижный рассвет.

Но вдруг открывается входная дверь.

Входит мужчина — достаточно молодой, одетый в черное, темно-серая шапочка плотно натянута на уши. Дрожа от холода, он приближается к батарее и ставит тепло на максимум. Потом бредет к столу, похлопывая себя руками, чтобы согреться. От него воняет.

Воняет кровью.

С него *капает* кровь.

Он бросает на стол охотничий нож и садится на табуретку. Утренний свет по-прежнему слишком слаб для

чтения, но его достаточно, чтобы разглядеть темно-красные пятна, расплзающиеся по клетчатой сине-зеленой скатерти, которая кажется гораздо новее всего остального в доме.

Молодому человеку хотелось бы откинуться на спинку, передохнуть после страданий и ночного холода, но у табуреток спинок нет. Может быть, и к лучшему. Спать нельзя. Несмотря ни на что. К тому же холод проник до мозга костей, и если уснуть, можно замерзнуть до смерти.

И все же он дает себе время, чтобы подивиться.

Вот оно, началось.

Он словно со стороны видит, как поднимается нож. Будто ожив, колет и рубит все снова и снова. Уничтожив лицо, нож спускается ниже, кромсает тело, грудь, потом еще раз, напоследок, вонзается в лицо. Но это не беспорядочные удары, их ровно восемнадцать. На этом он останавливается.

Удивительно, что у него получилось начать. Конец-то есть, логический конец, а вот начало казалось зыбким. Теперь все иначе. Теперь он доведет дело до очевидного конца.

Он наблюдает, как густые капли крови медленно падают с лезвия на скатерть, постепенно пропитывая волокна ткани.

Извращенная кровь.

Противно.

Он сидит неподвижно, наблюдая, как его собственное отражение растворяется по мере наступления рассвета. Он словно исчезает, сливается с природой, становится частью прибрежного ландшафта, он уже не индивид, скорее сама судьба. Прежде чем исчезнуть полностью, он видит перед собой свой образ. Молодой, свежий, живой — мужчина, который мог бы жить вечно.

Как же обманчива бывает внешность.

Он наклоняется над блокнотом, открывает какую-то страницу, наугад, и читает аккуратно выведенный текст:

«...должно производиться без обезболивания. Разрез получается тонкий, легкий, чистый. Несмотря на силу в руках и ногах, кожаные ремни удерживают хорошо. Беруши самые лучшие, какие только есть на рынке. Когда я откладываю скальпель, то понимаю, что даже сотая доля вопля не достигла моего слуха...»

Молодой человек отводит взгляд от блокнота. За окном продолжает светлеть. Он слышит звук ломающегося льда, бьющихся друг о друга льдин. Неземной звук. Но и он не на земле.

Лед вскрылся. Он в гуще ледохода.

Можно отпраздновать — уже год, как он нашел блокнот. Тогда он и решил. И теперь отмечает это событие своеобразным способом.

Он уже давно его не открывал, но содержимое помнит почти наизусть. Первые же слова, которые он сейчас читает, полностью оправдывают его ожидания. Он думает о связях, о цене, что приходится платить, о безудержности. Читает дальше:

«...когда погружаешь руку внутрь, между аккуратнейшим образом разрезанными кожей, мышцами и сухожилиями, чувствуешь, как возвышаешься над собой. Словно дотягиваешься до подсознания, роешься в том, о чем человечество мечтает забыть. А держать в руке совершенный орган — сущее благоговение. Ведь у него впереди по меньшей мере семьдесят лет жизни...»

Он почти слышит причитающий голос, различает малейшие оттенки. Устав, он с трудом его заглушает.